

М.Н. Волконский

Слуга императора Павла

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В67

В67   **Волконский М.Н.**
Слуга императора Павла / М.Н. Волконский – М.: Книга по Требованию, 2022. –
140 с.

ISBN 978-5-4241-1685-8

В основе произведений одного из самых известных беллетристов начала XX века князя Михаила Николаевича Волконского - "неофициальная история" XVIII столетия, сплетающаяся из множества скандальных историй, дворцовых тайн, приключений и мистики. Интриги, власть, коварство, любовь и деньги - неизменные составляющие его авантюристо-приключенческих романов.

ISBN 978-5-4241-1685-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© М.Н. Волконский, 2022

Михаил Волконский
Слуга императора Павла

ПРЕДИСЛОВИЕ

До сих пор еще не имеет настоящего серьезного описания кратковременное царствование императора Павла Петровича.

Так называемую павловскую эпоху избирали для своих романов многие авторы, и имя этого императора довольно часто повторялось на страницах исторической беллетристики. Но те исторические монографии, которые относятся к его царствованию, далеко еще не исчерпывают предмета со всех сторон и не дают представления о времени Павла Петровича и его управления.

Оттого ли, что мы слишком близки этому времени и оно не отошло еще для нас в историческую перспективу, или оттого, что наша историческая наука разрабатывалась до сих пор под углом зрения немцев, имевших основание не любить Павла Петровича, но мы пока лишены еще настоящей русской истории императора Павла.

Наиболее претендующая из них на полноту биография Шильдера «Император Павел Первый» чрезвычайно одностороння и написана с предвзятой целью, чтобы не без налета своего рода суеверия доказать, что преждевременная кончина Павла Петровича была как бы логическим следствием «злого дела», как говорит Шильдер, совершенного в 1742 году лишением престола несчастного малютки Иоанна Антоновича.

Конечно, в такие фантастические отвлечения не должен вдаваться серьезный историк, обязанность которого — изучить описываемое им время, дать верное представление о действовавших тогда исторических лицах и угадать чутьем научного прозорливца связь разбираемого им прошлого с последовавшими и будущими затем событиями. А этого-то и нет, в особенности в труде Шильдера, оказавшегося неспособным снять с себя очки рутины, заведомо предрешающей, что все, что делалось в царствование Екатерины II, было велико и превосходно и потому должно служить мерилом для оценки всех данных русской истории.

Внешний рост и роскошь екатерининского царствования, слепившие глаза своих современников, до сих пор еще действуют одурманивающие на людей, неспособных отрешиться от навязанных, предвзятых мыслей, несмотря на то что эта пресловутая роскошь и блеск Екатерины Великой стоили таких нелепых и безумных расходов России, что сделанный тогда государственный долг послужил началом того экономического бремени, которое и до сих пор лежит на нас.

Было принято как нечто неопровергимое, что политика Екатерины II отличалась необыкновенной мудростью, но опять-таки только теперь, в самое последнее время, становится ясно, какой обузой было для нас политическое наследие, оставленное нам этой императрицей.

Достаточно упомянуть о вражде к нам Франции и уничтожении самостоятельности Польши и ее разделе.

Слишком поспешные завоевательные действия Потемкина в Турции были, конечно, очень славны и покрыли несомненным блеском русское оружие, но в дипломатическом отношении они оказались совершенно неподготовленными и послужили к раздражению естественной, как оказалось впоследствии, нашей союзницы Франции, на долгое время ставшей враждебной нам помехой в наших отношениях с Османской империей. При Екатерине мы старались ладить с

Австрией, заботились о целости этой случайно собранной из несродных друг другу частей империи и враждовали с Францией, которая помнила эту вражду до самых наших дней. Воюя с турками, мы пренебрегали французскими интересами и тщательно охраняли австрийские. Уничтожением самостоятельности Польши и разделом ее мы также способствовали лишь расширению и увеличению могущества Пруссии и Австрии, являющимися на деле нашими исконными врагами.

Где же здесь политический гений, и не вправе ли мы наконец сказать, что всей неурядицей наших международных отношений, вплоть до императора Александра III, повернувшего эти отношения на истинный национальный путь, мы обязаны ошибками екатерининского царствования?

К чему приводят сейчас нас переживаемые великие исторические события? Волей-неволей убеждают они, что нам необходимо теснейшее единение твердого союза с Францией и создание вновь так называемого «государства-буфера» из отданной на кормление немцев Польши. Ныне приходится нам в союзе с Францией восстанавливать разделенную Екатериной Польшу, причем к этому мы пришли столетним опытом и жестокою войною с теми самыми немцами, которых мы в течение этих ста лет лелеяли и оберегали.

Император Павел Первый царствовал всего четыре года, но он как бы пророчески предвидел, что рано или поздно, хотя бы через сто лет, необходимо будет прийти к совершенно обратному тому, что делала его родительница. И он, несмотря на все свое отвращение к идеям французской революции, вступил в союзные отношения с первым консулом Французской республики Бонапартом и первый громко заявил о том, что раздел Польши был ошибкой, которую он не может поправить лишь потому, что это зависит не от него одного, а и от короля прусского и императора австрийского, а они никогда не согласятся на то, чтобы Силезия и Саксония отошли от Пруссии, а Краков — от Австрии.

Преждевременная смерть прервала дни Павла I, и «блестящее» наследие Екатерины Великой с его непомерным долгом и неестественно несоответствующими выгодам России международными отношениями дошло до нас почти во всей своей прелести, и мы, беспомощно разводя руками перед громадностью нашего государственного долга и враждую с революционной Францией, продолжали прославлять блестящее правление Екатерины, желая подобострастно подражать ее будто бы «политическому гению».

Нужно было, чтобы настоящий русский гений императора Александра III, порвав с немецкими традициями, заключил союз с Францией и чтобы дикий разгул немецкой разнозданности открыл нам наконец глаза на необходимость самостоятельной Польши.

Император Павел I сто лет тому назад понимал и то, и другое, а ему в исторической науке не хотели отвести то место, которое ему подобает, и даже люди, симпатично относившиеся к нему, рисковали лишь «оправдывать» его, стараясь выставить тягости, перенесенные им нравственно в детстве и юности. Теперь сами события, в их историческом развитии, оправдывают Павла I, и нет сомнения, что явится настоящий историк, который поймет, что в Павле Петровиче Россия потеряла великого императора.

Насколько Екатерина Вторая была счастлива в людях, ее окружавших, настолько Павел Первый был неудачлив в выборе своих сподвижников.

Соображение, что Екатерина Вторая умела выбирать людей, а Павел Петрович — нет, в корне опровергается выбором Екатериною бездарного Зубова, которому она поручила в конце своего царствования ведение всей иностранной политики. В сущности, Екатерина никого не выбирала, а, наоборот, ее выбирали энергичные и талантливые люди, возведшие ее на престол и затем помогшие ей утвердиться.

Нужно ясно представить себе ту распущенность и тот хаос в государственном управлении, которые существовали при Екатерине, чтобы понять, какой труд должен был нести Павел Петрович и какую ломку пришлось проделать ему для того, чтобы ввести государственный строй в определенное русло.

Чиновники при Екатерине не ходили на службу вовсе, военные одевались в модные кафтаны и с собольими муфточками разъезжали в каретах цугом; беспорядок в финансах дошел до того, что Потешный дворец в Москве содержался на доходы с почтового двора. Начало царствования Павла ознаменовано целым рядом указов именно хозяйственного характера.

Само собою разумеется, что нововведения Павла I порождали недовольство, и чиновники, обязанные являться на службу к шести часам утра, и офицеры, принужденные бросить свои муфточки и перестать кататься в экипажах, были возмущены и роптали.

Этот ропот питался сплетнями, и они распространялись по Петербургу, а оттуда разносились по всей России. На Павла Петровича лгали с осторожением, с нескрываемым злорадством, и эта ложь заносилась в записки досужих людей и до сих пор принимается многими за якобы подлинное свидетельство.

Между тем порядок внутреннего управления, установленный Павлом Петровичем, явился настолько прочным и настолько соответствовал нашему духу, что, при всех своих недостатках, происшедших от поспешности, с которой был введен, устоял неизменно в главных своих чертах до наших дней и позволил России развиться и укрепиться, оставаясь великородным государством.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

В доме Сергея Александровича Проворова случился сильный переполох.

Плотно и с большим аппетитом поужинав, встал он из-за стола веселый и радостный, поцеловал свою молодую жену и прошел к себе в кабинет, а через некоторое время она, войдя к нему, застала его лежащим в бессознательном состоянии на диване. Что случилось с ним, нельзя было понять. Лежал он не двигаясь, с закрытыми глазами.

Послали за доктором. Пришел какой-то врач, старый немец, живший случайно поблизости, и, определив удар, сказал, что необходимо как можно скорее пустить кровь.

В эту минуту вернулся домой брат молодой Проворовой.

— Клавдий! — встретила та его. — У нас несчастье — у Сергея удар!..

— Что за глупости! — спокойно возразил Клавдий. — Не такие его годы, чтобы с ним могло случиться нечто подобное!

— Однако доктор говорит...

— Какой доктор?

— Не знаю. Я послала за первым попавшимся... тут живет какой-то немец поблизости. Он говорит, надо пустить немедленно кровь.

В это время в кабинет, где лежал Проворов, слуга пронес таз, воду и полотенце.

— Ничего этого не надо! — воскликнул Клавдий и быстрыми шагами прошел в кабинет.

Там доктор засучивал рукава, торопясь приступить к операции.

Клавдий осмотрел зятя, попробовал у него пульс и твердо заявил доктору:

— Оставьте меня одного с ним!

Немец, по-видимому не ожидавший такого решения, удивленно и вместе с тем презрительно посмотрел поверх очков и также не без твердости ответил:

— Если я был призван к больному, я не имею права оставить его без помощи медицины! Больному надо пустить кровь...

— А я вам говорю, что здесь ваши услуги не нужны, по крайней мере сегодня, — продолжал настаивать Клавдий. — Получите за визит и оставьте нас в покое!

Клавдий сдвинул брови, взглянул на доктора и сделал рукой знак. Последний произвел на немца немедленное действие: доктор опустил глаза, взялся за лоб правой рукой и, больше не рассуждая, молча поклонился и вышел из комнаты.

— Унеси все это прочь! — приказал Клавдий слуге, указав на таз и полотенце. Тот немедленно исполнил приказание, и когда Клавдий остался один с сестрой возле лежащего без движения ее мужа, то, как бы думая вслух, тихо произнес:

— Однако господа масоны слишком уж скоро занялись нами! Не ожидал я, что они так поспешат.

— Ты думаешь? Разве это масоны? — с расстановкой спросила его сестра.

— Несомненно. И этот немец-доктор — тоже масон, и, не сделай я ему повелительного масонского знака, он, пожалуй, мог бы натворить бед.

— Клавдий... ради Бога... случилось что-нибудь серьезное?

— Слава Богу, ничего. Смотри, видишь, твой Сергей переходит уже в состояние нормального сна.

И действительно, щеки Проворова порозовели, дыхание стало определенным и ровным, и на диване теперь лежал просто спокойно спавший человек.

Клавдий вздохнул, как вздыхает человек, только что преодолевший большое внутреннее усилие, и сказал, понизив голос до полного шепота:

— Теперь надо оставить его в покое, пусть хорошенъко высится. Надо, чтобы все было тихо вокруг него, чтобы случайный шум не нарушил резко его сна.

— Что же это с ним было? — тоже шепотом спросила его сестра. — Ты говоришь, масоны?

— Потом, потом, — остановил ее Клавдий. — Когда Сергей проснется, я все объясню. Будь совершенно спокойна: ничего серьезного нет, а пока пойди и распорядись, чтобы прислуга в доме ходила на цыпочках и чтобы дети не нашумели, лучше всего сама займи их, а я останусь возле Сергея, когда будет нужно, я позову тебя.

Проворова, видимо, верила брату и послушно последовала его совету.

Когда она ушла, Клавдий запер дверь кабинета и, оставшись один с Проворовым, встал у его изголовья, а затем, протянув над ним руки, стал делать магнетические пассы.

Это потребовало от него нового усилия, и он с настойчивостью продолжал свое дело, как бы борясь с какой-то силой, шедшей извне, издали. Изредка губы его шевелились, и он произносил какие-то непонятные слова. Наконец он выпрямился и, соединив указательные пальцы обеих вытянутых вперед рук вместе, громко сказал, точно приказывая кому-то невидимому: «Я так хочу!» Через минуту он опять глубоко вздохнул, опустился почти в изнеможении в кресло, стоявшее рядом с диваном, где лежал Проворов, и лоб его покрылся крупными каплями пота.

II

Клавдий Чигиринский, шурин и приятель Проворова, только что сделал с его семьей длинное и долгое путешествие из Крыма в Петербург.

Они ехали всем домом на долгих, то есть на своих лошадях, оставил в Крыму новое, только что наложенное хозяйство. Проворов усердно занялся им как один из первых ревнителей русского дела в новой провинции Русского государства и, если бы не важное дело, ни за что не оставил бы своего имения и не потащился бы на север.

Его жена, Елена, посвященная во все его дела, не захотела отпустить его с братом одного и настояла на том, чтобы ехать вместе. Но раз ехала Елена, надо было взять с собой и детей, которых у Проворова было двое, и дети-то, главным образом, и послужили задержкой в пути. Сначала пришлось остановиться в Харькове, а затем дети заболели в Москве, так что Проворовы должны были там нанять квартиру и прожить довольно долго. Наконец они снова двинулись в дорогу и доехали до Петербурга уже по сенному пути в трех купленных в Москве возах. Был уже январь 1797 года на исходе.

Остановились Проворовы в доме, доставшемся Елене по наследству от ее тетки, фрейлины Малоземовой. Этот дом был хотя не особенно пышен, но до-

вольно приличен, поместителен, удобен и уютен.

Чигиринский занял три отдельные комнаты в нижнем этаже.

Обморок с Сергеем Александровичем случился дней через семь после того, как они приехали в Петербург.

Масоны, которых Чигиринский обвинил в происшедшем с Проворовым, тогда снова подняли голову в России с воцарением императора Павла Петровича, относившегося к ним весьма благосклонно еще в бытность свою цесаревичем. Те из них, которые были сосланы Екатериной II, получили прощение, а те из приближенных к новому императору, которые принадлежали к братству вольных каменщиков, считались в большой силе.

Мистический ум Павла Петровича и давнишние его сношения с оккультными обществами были всем хорошо известны, и теперь общее мнение было таково, что с восшествием на престол императора Павла вступила в полную силу власть масонов.

И действительно, эта власть казалась настолько полной, что надо было быть очень сильным человеком, чтобы решиться противоборствовать ей.

Однако Чигиринский с Проворовым были противниками масонов, имея твердые основания считать их вредными для государства вообще и для России в особенности.

Они принадлежали к числу тех необъявленных скрытых врагов масонства, которых (они знали это) много среди православных на Руси и которые, не составляя не только секты, но даже общества или кружка, действуют каждый в отдельности, не зная и часто не подозревая друг о друге, но тем не менее действуют упорно и настойчиво и в полном единомыслии.

Кроме того, у Проворова с Чигиринским была в руках возможность нанести масонам серьезный вещественный удар, и ради этой-то цели они явились в Петербург с воцарением Павла I, предприняв свое далекое путешествие.

В данном случае главным действующим лицом был Чигиринский, обладавший необыкновенной силой внушения, то есть силой так называемого теперь гипнотизма. Эта сила дала ему в прошлом возможность войти в масонские круги и в качестве масона противодействовать всему, чему не сочувствовал он в деятельности масонов.

Он знал по опыту, что вольные каменщики, делящиеся на множество степеней, бывают в известных степенях и добродетельны, вроде, например, известного в то время в

России Новикова, но эти добродетельные люди так и остаются в масонской иерархии на своей степени и дальнейшего посвящения не получают, воображая, что достигли пределов знаний своего общества.

Чигиринский давно проник в руководящие масонские круги, знал, что они такое, а также и то, насколько ими обмануты порядочные люди, попавшие в их среду.

Проворов, не обладавший никакой особенной силой, бывший просто честным, порядочным, чисто русского склада человеком, являлся единственным его помощником вместе со своей женой, которую даже в мыслях не мог отделить от себя.

И вот они втроем явились теперь в Петербург для борьбы с будто бы всесильными масонами и, по-видимому, в первые же дни своего пребывания здесь

подверглись нападению тайной силы, руководимой вольными каменщиками.

Когда после минут сорока спокойного и крепкого сна Проворов очнулся, не отходивший от него Чигиринский позвал сестру и стал объяснять им, как он понимает случившееся.

— Вот видите ли, — заговорил он спокойно, не торопясь, с полным сознанием правдивости того, что сообщает, — вам, конечно, известно, что естество человека в его целом состоит из трех частей или так называемых элементов: духа, нашего материального видимого тела, и тела просвещенного, или астрального, не материального, но все-таки тела, соединенного с матерью особым аппаратом, называемым в официальной медицине селезенкой. В официальной медицине существует мнение, что селезенка в человеческом теле — совершенно излишний орган, действующий лишь тогда, когда человек голоден. Совершенно верно, что, когда человек голоден, материальное тело ощущает известный ущерб, а астральное начинает проявляться к деятельности, и деятельность эта обнаруживается прежде всего, конечно, на звене-селезенке, соединяющем астральное и материальное тела. Если человека оставит его друг, то есть высшее руководящее начало в нем, то он сделается душевнобольным или сумасшедшим, и два его тела — материальное и астральное, — не разъединенные, но уже не управляемые и не направляемые, будут жить, то есть проявлять внешние человеческие отправления, но человека уже существовать не будет. Когда же с материальным телом разъединяется не только дух, но и астральное тело, то наступает смерть, иначе говоря, то, что мы называем этим словом. Материальное тело остается безжизненным, лишается поддержки, и мы видим, насколько оно непрочно, так как часто в течение трех дней начинает разлагаться, обращаясь, по слову Писания, в ту землю, из которой создано.

III

Чигиринский говорил, а Проворовы слушали его внимательно, сидя в обставленном новой мебелью кабинете. Этот кабинет был единственной комнатой, которую отдали для себя новые хозяева, оставив все остальные в прежнем виде, как были они при фрейлине Малоземовой. Большая карельская лампа под абажуром разливала мягкий свет, пол был покрыт ковром, двери и окна завешены тяжелыми гардинами.

— Мир внешний, физический, — продолжал Чигиринский, — имеет дело с телом материальным, которое надо поддерживать посредством питания предметами вещественного мира; если не давать этого питания, человек будет ощущать голод или жажду; кроме того, можно каким-нибудь внешним ударом причинить боль этому телу и нанести такую рану, что будет нарушена связь его с духом и наступит смерть. Все эти эффекты видимы для нас и определенно ощутимы. Но дело в том, что можно также особыми способами воздействовать и на астральное тело. Оно может также получать удары и должно также пользоваться своего рода питанием. Поэтому и астральному телу можно нанести смертельный удар, лишив его питания или дав ему отраву. Кроме того, можно подчинить это астральное тело воле другого человека, и тогда последний будет всецело властвовать над тем, чье астральное тело у него в подчинении. Усыпив материальное тело, можно разговаривать с астралом и требовать от него тех или других действий. Можно на известное время отделить искусственным путем внушения астрал от

материального тела, тогда материальное тело человека будет лежать как бы в глубоком обмороке, похожем на полную смерть, а его астрал в это время на довольно далеком расстоянии может даже материализоваться, то есть принять хотя и не осозаемые, но все-таки видимые очертания. Так вот, с Сергеем сейчас проделали такую штуку: он впал в обморок, а его астральное тело в это время было отвлечено в другое место.

— Куда же? — воскликнули с оттенком испуга в один голос Елена и Проворов.

— В заседание великой ложи Астреи. Хорошо, что я с первого же дня нашего приезда следил за господами масонами и знал, что сегодня вечером назначено заседание верховной для России ложи Астреи. Когда я увидел Сергея в обмороке и хлопочущего возле него доктора, ответившего на сделанный ему мною масонский знак, мне сразу стало все ясно: я знал, где собирается ложа, и направил в ту сторону свою волю, которая оказалась сильнее масонской цепи, попытавшейся распорядиться астралом Сергея. Я вернул его и сделал над ним пассы, которые необходимы, чтобы предупредить и на будущее время подобное масонское предприятие. Теперь с этой стороны Сергей совершенно обеспечен.

— Но ведь это же ужасно! — воскликнула Елена. — Ведь масоны могут придумать что-нибудь новое!

— Единственное опасное из всего, что есть у них в распоряжении, — возразил Чигиринский, — только и было вот это так называемое насильтственное раздвоение астрала с материальным телом. И в этом мы оказались сильнее их. Признаюсь, я сам не ожидал, что обладаю таким током. Как бы то ни было, теперь с этой стороны мы в полной безопасности, и нам только остается благодарить судьбу и масонов за то, что они уже заняты нами и слабее нас. Значит, нам надо, в свою очередь, исполнить свой долг, а затем, не задерживаясь более в Петербурге, отправиться назад, подальше от масонов и их лож.

— Так что, ты думаешь немедленно же начать действовать? — спросил Проворов.

— Именно немедленно, — подтвердил Чигиринский, — то есть с сегодняшнего же вечера.

— Даже с сегодняшнего вечера?!

— Да, сию минуту, не выходя из этой комнаты. Чигиринский улыбнулся, протянул руку по направлению к двери и повелительно произнес:

— Спи!

Вслед за этим за дверью послышалось падение тела.

— Ну да, я так и думал! — усмехнулся Чигиринский. — Это Нимфодора подслушивала нас, и мы начнем с того, что узнаем, делала ли она это просто по своей давней привычке, из любопытства, или же это ей поручено и она шпионит за нами.

Нимфодора была одной из двух старых приживалок покойной фрейлины Малоземовой, оставшейся в наследство Проворовым вместе с домом и проживавшей теперь там.

— Встань, отвори дверь и входи к нам! — приказал Чигиринский, опять протягивая руку.

Через минуту дверь отворилась, и Нимфодора с открытыми, но неподвижными, как у лунатика, глазами появилась, послушно повинуясь, видимо, не своей, а чужой воле.